

МАКСИМАЛИСТЫ

II

Борис Фальков
Владимир Дурново

Борис Фальков

Владимир Дурново

**МАКСИМАЛИСТЫ II - второй сборник поэтических книжек
Бориса Фалькова и Владимира Дурново**

(первый сборник - МАКСИМАЛИСТЫ, Москва, РА, 1997)

ISBN 5—86280—080—8
ЛИА Р. Элинина

© Борис Фальков
© Владимир Дурново

МАКСИМАЛИСТЫ

II

Борис Фальков

**ВОЗВРАЩЁННЫЙ ОРФЕЙ
ИЗ СТАРЫХ АЛЬБОМОВ**

Владимир Дурново

**ГАРСОН В ГАРСОНЬЕРКЕ
ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ**

ॐ

ВОЗВРАЩЁННЫЙ ОРФЕЙ

*Я всматриваюсь в вас, о числа,
и вы мне кажетесь одетыми в звери.*

*Ветер бросает нечет и чёт,
тихо стоят невода.*

*И глядет бесшумно зверь
парой белых нежных чисел!*

Виктор Хлебников

Земное время описало очередной свой круг. Возвратились давно сбывшиеся события и спетые песни. Одни пришлось заново пережить, другие наново переписать. Теперь достаточно сравнить тот их вариант с этим, чтобы убедиться. Только вот – в чём?

Вопрос опасный: что именно в них содержится? То есть, что оправдывает существование событий и песен? Вопрос не ценности, и даже не смысла, а присущих им значений.

Это так. Ведь это те же песни. Они всё это время существовали, не важно – где, важно, что они были и есть. Как был, и значит – есть октябрь 66-го, когда я, подобно Орфею, вышел в очередной раз из-под земли на Невский, подталкиваемый ровно дующим в спину ветром. А это, в свою очередь, возвращает к тому, что в 46-м я вышел... откуда? О, я-то помню – откуда. И числа эти незабываемы. Значит, все они тоже есть.

Накануне я переночевал в келье новгородского Кремля, после того, как проплыл по Волхову, лёжа в лодке. В старину, говорят, это проделывал Садко. А в 66-м, после посещения одноименного ресторана, я: тоже певец и гость, только небогатый. Вступив с ними обоими в тесный контакт, я уложил это событие в нечётную строфу, вместившуюся между «татары» и «китайцы». Через 33 года вместимость строфы расширилась до «земли», и она стала чётной.

Всего лишь? Ну да, только и это дело не такое простое, каким кажется. Подобно числу 33, оно

лишь притворяется простым, пользуясь тем, что и впрямь состоит из простых, а одно из них просто-таки совершенно в простоте своей... Кроме того, чем богаты – тому и рады.

Жаль, не все разделяют это мнение. Вот, к примеру, новгородская земля богата костями. Среди них особо ценные, кости бедного рыцаря-меченосца Хлебникова. Но рада ли этому земля? Нет. Она буйно радуется другим певцам: Садко, Александру Невскому и даже, что совсем уж странно, Ивану Грозному. А ведь кости Хлебникова куда, казалось бы, звучнее прочих.

Тогда, в 66-м, я впервые осознанно прогремел его костями как своими собственными. И сегодня снова делаю то же. Пусть никого не обманывает иное звучание вновь прокатившегося того же грома, искажённое обличье повернувшихся к самим себе песен. Перевернувшихся? И это пусть... Сами собой выпавшие пары чисел «66 – 99» вполне оправдывают такой перевёртыш.

Разве нет? Вон, 33 года наземной работы исказили мне лицо до неузнаваемости, а всё-таки оно – то же.

ЧЁТ И НЕЧЕТ

1

(8)

Татары тару волокли
из-под запретной конопли
по Новгороду, покрыты потом,
топча капустник местных зайцев.
Да что ты, дед, окстися: что ты!
Ты бредишь. Это – можно ли?
Ведь не татары, а китайцы.
И то – в цветных мечтах земли.

(9)

меченосец

меча носы икры

нюхающие последников

подводных нежных браков –

мальков

искал наследников –

фальков

периодической игры

красневших от воды же раков

ПРОСТОЕ ЧИСЛО

(7)

И белым днём
где взгляды-трупики
летит причастное число.
И чёрным ветром голубь хрупкий.
И ты – трёхчастное число.
А чёрный ветер тонких слов –
твоё ночное ремесло.

(5)

Три слепня, тройка-я, три гласных:
о, и я – твоё троичное чело,
и я, о! – прекрасное начало,
я, о! – и твоё трикрасное число,
твоё ненужное напрасно.

(3)

Их чёрным ветром унесло
в больные дни, где взгляды-трупики
и я, прекрасное число.

(1)

И голый голубь – веер хрупкий.

НЕЧЁТНЫЕ СТРОФЫ

1

(5)

Ты, дорогая, в губах
напрасно не носишь улыбки.
Напрасно в твоих глазах
прячется страха страх.
И речи – напрасно зыбки.

(5)

Зря ты сгущаешь зрачка
слишком строгое зренье,
роешь справа виска
лопаточкой ноготка
бровь, а точней – оперенье.

(5)

Так и фигуру платка
ломаешь ты в целом славно –
но зря. Не вскрывай цветка
линий наружных!.. Пока
я не прикрою ставню.

(1)

Нас узнают слегка.

(5)

Светает.

Там, где высоко
скучая что-то пролетает.Там образ жизни сложных облаков –
простая стая.

(5)

Смеркается.

Не знаю, моросит?

Туман, во всяком случае, сгущается.

Не видно, у кого просить,
в чём каяться.

(9)

Смеркается, светает... Двое их,
совсем чужих – и не совсем чужих.Они скучают, выжидая из приличия,
когда на скверной моего лица иконе
свернётся кровь. Уже их волки-кони
копытами когтей снесли с неё различия
щеки и носа, лба и глаз. Конца законы,
сходящие из сумерек, в рассветном сне
становятся яснее. Разумеется, не мне.

(7)

Мне ж предлагается не спать. Не сплю.

Туман смеркается ещё, понятно: осень.

Но непонятно, у кого просить конца.

И всё же я прошу. Так на рассвете просят:
я вас люблю.Так мальчишки, когда им сорок восемь,
зовут отца.

ЧЁТНЫЕ СТРОФЫ

1

(4)

Я понимаю твой скорбящий рот
в три дня мной заключённый в скобки.
Улика неопровержимая. И вот
уже к тебе приколот точной кнопкой.

(8)

Теперь пойми меня и ты, давай наоборот.
Нет? Ну, так глянь на эту кошку-дуру.
Её изогнутая бубликом фигура
истощена. И тела костяная арматура
отчётлива, как новенький пятак.
Зачем, спроси её, она сердито так
сосредоточенно и нежно пляшет,
и ловит свой же хвост сугубым зубом.

(8)

Точнее – глазом. Но тогда другие губы
решат, её ли это или наше: прочно
соединять гортани с ввинченным в зады обрубом,
вчера, сейчас, потом... И днём, и ночью.
Да, собственно, уж решено, что позвоночник
всегда заканчивается чьим-нибудь хвостом,
чья напряжённая змея –
её, твоя, моя.

(4)

И значит – так, дружок... пасть головы поймает змейку
или змея воткнётся в рот, как в нищего копейку –
всё это равно, если три дня понемножку
змея грызёт себя за кошку.

(6)

Вчера могильщик страшнокожий
прилежным лезвием встревожил
мой вялый, но привычный кокон.
Сегодня на заржавленный кукан
меня наколет жабрами, похоже,
а то и прямо рожей.

(8)

Знал – на неё надел чугунный лик бы,
за общий стол присел в большом пальто,
и попросил: друзья, оставьте на потом
все предназначенные мне улыбки.
Ведь не позднее середины затрашного дня
мой гильщик вашему застолю даст приказы
жрать труп, замаскированный под зразы.
Прислушайтесь-ка: труп мой – не меня.

(4)

В вифлеемах ваших сонных
сени не запахнут сеном.
Не наполнят сеном ясель.
Сон не будет в сенях ясен.

(6)

Его следят лесные тени.
 Вращаются вокруг него неясны стальные очи,
 как две луны. Он заблудился в этой ночи,
 в её двух фонарях. И гриб гниёт в затоне.
 Пруд весь зарос. Зыбка панбархатная тина.
 Под нею и найдёт его другой, если захочет.

(12)

А помнится, что он бывал и весел.
 На лодочке качался, не без песен,
 совсем беспечен. И с поднятых вёсел
 стекали слёзы светлые... Но много весен
 с тех пор прошло, вод светлых утекло.
 Причал своё уж откачал. И замолчал
 утиный крик. И лопнуло окна стекло.
 Наверное, от холодов. И никогда не спал дом
 таким сном: мертвенным. Сирени спелой дым
 давно смешался с облаком. И время истекло.
 Часы стоят, ку-ку... Не слышно уж и: ну,
 родной, я жду вас нынче к ужину.

(4)

Теперь ждать некому. Он видит только тени
 и очи лунные совы, и гриб. Гнилой затон.
 Гостеприимно савана панбархатная тина
 колеблется... Колеблется пока и он.

ПАРЫ РАЗНЫХ (нарушенные симметрии)

1

(13)

Украшив голову лавровым нимбом,
петрушкой, луком и укропом...
кинзу-гвоздику сунуть к ним бы
и все другие травы скопом!
Аджикой, уксусом и перцем
умыв её холодные бока,
раздув ноздрю, волнуясь сердцем
беру тебя, сиятельный стакан –
вот, взбилась музыка в котле литавры
и щёки в ней изваренного поросёнка,
чью голову, увенчанную лавром,
я ем. Распознавая в ней ребёнка?
Едва ли...

(21)

На счастье вынул Вольфганг Гёте
билетик – хуже не сыскать:
надул ему Господь работы,
роман про Фауста писать.
Но что же делать? Знать, судьба.
И Вольфганг инструмент подьёмлет,
которым скверного раба
сподручней было б сунуть в землю.
Глаголов кучу он призвал
на помощь: рос, учился, кушал,
боролся, пил, страдал, играл
и постоянно совесть слушал.
Смотрел, пророчествовал, жил,
закон физический нарушив,
смеялся, плакал... Полюбил –
и дьяволу вдруг отдал душу.
А я, надеюсь, напишу,
коль вытащу несчастный номер:
он был удачлив, этот шут,
родился он – и тут же помер.
Надую всех...

3

(9)

Небрежный страж уснул, клонясь
к порогу, на уши усы навесив:
за дверью полусонный клавесин
ронял готических павлинов вязь.

И кто-то к скважине приник, смеясь,
мелькнул в смеха одетою печалью...
не мужеженственных павлинов изучая
настойчиво, сомнительную связь –

свою. Но с чем?

ОТРИЦАНИЕ ЧИСЛА

в развалах фиолетовых полночно усталых блюзов
сигаретных дымах ритмов плывов опыхал
неведомых птичьих нег спокойных улыбчивых
темнот оплывают грузными свечами бутылочного
тумана задумчивых огней нечистого стола
алмазного освящённого глазами пудрой потолков
полутёмных монахов на освещённой безобидно-
порочной омутности кабака пlying в пуховости
неподвижного обозрения блюзов туманных
религий амврозийных блюд глотая отпущение
тяжестей гремящих городов растворяясь в
небытии блюзов блюд амврозийных тоскующих
монахов жестоких и знойных труб цветники
Аргентины маслины тайные стены миланьи
Болоньи Катаньи гортензий багрящихся
кадильниц готических кропильниц фиолетовых
блюзы блюда амвразии

розовые

серебряных автомобилей скользящих монограммы
программы дыханья качелей блюзовых вдовьих
дыханий Болоний Катаний городов опушенных
кабаками опудренных ритмами птичьих нег

их вег

домашних дымов фиолетовых полночей блюда
блюзы уставшие свечи монашьи блюда амвразии
блюзы опыхала блюда

ну, да...

ТЕРЦИИ И КВИНТЫ

1

Олень разумный взглядом трогал
охотника судьбы свирепый рог
и трупы листьев у его ног.

Лес сбросил их. Так карла дрёмный
на стол поминный сбрасывает карты:
одни вальты. А козыри? Все упыри.

К столу присели мороны. Пора, теперь умри.
Болтают, Стикс замёрз – так в Лету ходят нарты
под лязг очей и сопот носа рога

Бога дремли. Олень ресницей шелестит,
он знает: жизнь его полога.
И им владеют смута и тревога.

Взгляни и ты, олень, разумными глазами
на то, что жизнь, твоя и вообще, полога.
Листву ресниц и шелест их тревоги
раздвинь
и опознаешь дрёмы бога.

Мор он? Спроси у морона. Но птичьих указаний,
ха-ха или ку-ку, никто ещё понять не смог.
И потому ты оперенье их тревог
раздвинь
и явным станет дрёмы бог.

А осень с осенью управится сама. Тебе слезами
не подсластить её дождей, безвидный вид её дорог...
Сбрось олиствение твоих тревог
и мир падёт,
зато восстанет дрёмы бог.

Ку-ку, произнесёт и он. Но смысл его сказаний
куда ясней: охотник дверцу сердца вскроет рогом
и ты узнаешь имя дрёмы бога.
Твоё оно.
И это всё? Не так уж много...

ПАЛИНОДИЯ ДЛЯ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЫ
(чѐт-нечет с неопределѐнным результатом)

1

Эй, эй! Дуня дутых ног,
чей чай театра теней темней!
Театра сует – берегись, живота сынок.
Эй, надутый чаем недуг ног – чей?

2

Дуня, не трогай угрозы рог,
и чай, ни чѐрный – ни белый, не дуй!
Не мни обуток в недуг ног:
пусть пыжится паха твоего колдун,
твоего живота живой сынок!

Слышишь, милый, ходит кто-то,
кто-то шепчет, так кого-то
опоил бессонным кто-то.
Слышишь, милый, как тревожна
ночь. И как тот осторожно
ставит ногу в мягкой туфле
там – за стенкой, там – на кухне.
В темноте не видит глаз
у него... или у нас?
Слышишь? как за стенкой тонкой
кто-то бродит в теми дикой...

Что ты, детка, что ты, Вика,
это мышь ползёт тихонько.

Слушай, милый, крикнул кто-то,
кто-то плачет, у кого-то
умер или болен кто-то.
Слушай, милый, как шуршит
горькая слеза в душе
у того, несчастен кто так
оттого, что век короток,
оттого, что долог час:
у него, у них, у нас...
Слушай, милый, голос дикий
в петли виселицы свитый!

Да помилуй – что ты, Вика,
то петух пропел сердитый.

Видишь, за окошком кто-то,
кто-то тёмный, к нам кого-то

посылает страшный кто-то.
Видишь, милый, как! огромным
угрожает топором нам,
как в стекло стуча упорно,
улыбается топор нам!
Милый, милый, спрячь меня!
Рвётся тать для дела дикого...

Что ты, Вика, погляди-ка:
это сохнет простыня.

Дурочка какая, Витка,
неужели ты не знаешь
пунктов нового вердикта,
по которому: строжайше
запретить бандитам разным
резать жителей в постелях,
да к тому ж ещё – непраздных?
Кроме этого, тебе
пунктом нового закона
выйдет вспомошествованьё
к усилению питанья
и тебя, и эмбриона.

Это где-то – город Бремен,
где, как только ты бермен,
остаёшься одиноко
ожидать сироткой срока.
Вика, это в Коста Рика,
или в бешеной Бразилии,
или совсем уж – в Чили,
в общем, в скверной Америке
люди ходят по ночам,
туфли мягкие надев.

Здесь же ты, Вика,
потрудишься скорей привыкнуть
спать в постели у меня
после трудового дня.

Милая, ведь это в Дании,
Швеции, Италии,
и так далее –
в Китае, или
чуть поближе: в Париже,
кто-то умирает, болен,
сам себе не волен.
В диких, может, Аппалачах
кто-нибудь его оплатит:
там ведь плачут по ночам.
Да, родная, это там!
Там и слёзы сострадальцев,
и молчанье отстрадавших,
там на это есть причины:
для оправданной кончины.
Там – тоска, нужда и страх.
Тут – петух и простыня.
Ни души, кроме меня.

Вот поэтому – не медля,
ты должна уснуть и больше
мне ничем не докучать.
Завтра снова на работу,
завтра чёрная суббота,
слышишь? Спать.

Спать... Ни души...
Да-да... А мыши?

1

ОНО И ОНО

Сонный сад синь и сед.
Замороженные позы
клёна, тополя, и след
бывшей розы.

Чёрной травки смертный храп.
Грядок белые морщины.
Порвались садовых троп
паутины.

Но в окошко подмигнуло
лампой: заходи же, милый.
Прямо в спальню проскользнуло
тропок мимо.

2

ПОРА

пора законы снов узнать
когда под сердцем сатана
когда укроет саван нас
пора законы снов узнать

усердно память тебе
я снова чую бег тебя
к себе лечу я без тебя
и бьётся сердца бестия

копя усердно мести яд
повеет ветра ворох вестью
и с вестью вместе мечь и я
и вместо сердца – бестия

пора законы снов узнать
когда изловят сети нас
когда не сердце – сатана
пора законы снов узнать

ЗОЛОТО РЕЙНА
(эпиталама)

В безумьи своём похотливая Мава
засиньем очей озаряет дубравы,
ластясь, обнимает дуб. Травы,
хрипя, пожирает её друг Козёл,
приумножая количество зол.
Их дикий набег нежнейшим напевом
сопровождает порочный Пан.
Гармония, ты ли над ними, о, дева?
Я пробую рога охотничий тон...

Согласны Козёл, Мава, Пан и я:
привет тебе, дева Германия!

ВОЛЯ ВОЛХОВА
(песня Садко)

А может, стоит нахмурить лицо,
скомкать губы, глаза и нос ему?
Может, венчальное Волховы кольцо
на левую руку надеть? И босому

начать пепелища родные топтать,
иконами древними печь топить,
и если уж все говорят, что ты тать,
так стать им. Не слыть – а быть.

Нет, говорят, мать-и-мачеха на разрыв-траву
не реагирует. Отечества не различает язык
с родиной, Марьи с Иваном. Не переживут
нечеты чётов, и стадо родное бык.

Говорят, животом будешь нам обтирать крыльцо.
Будешь рвать когтями виски и рваться назад.
За позволение отечества перемещённое лицо
тронуть губами, ты родине вылижешь зад.

Знай, говорят, приползёшь на поклон –
тебе не всплеснёт волною оркестр,
Волхов и Волга, Нева и Дон,
Днепр и Днестр.

ОПАСНЫЕ ТОЖДЕСТВА

*Я всматриваюсь в вас, о числа,
и вы мне кажетесь одетыми в звери.*

Как только Лис начинает нарушать спокойствие
Леса, пытаясь выяснить основания родства между
собой и им;

Как только Лень начинает затуманивать глаз Лани,
поставляя её ножу охотника;

Как только похотливое Море начинает ощупывать
ягодицами волн происхождение Мора;

Я надеваю леперьину и прохожу перед ними,
вкладывая в движения крыльев суровое одобрение.

*И грядет бесшумно зверь
парой нежных белых чисел.*

Делаю я это сразу же по возвращению из Аида,
регулярно, каждый раз через 24(x) года после
схождения туда. Все они день один.

Это сутки Орфея, полный круг его вращения вокруг
себя: возвращение к себе. Суточному числу
подчинены и 24 песни этого цикла.

Между схождением в Аид Пушкина и возвращением
на землю Хлебникова 24(2) года. Между схождением
Хлебникова и моим возвращением 24.

Те же числа, те же пары, столь же полный чёт.
Не исключено, конечно, что однажды выпадет нечет
и Орфей не возвратится.

*Ветер бросает нечет и чёт,
тихо стоят невода.*

По меньшей мере, не оглянется. Кого выведет он тогда из подземелий, что за песни – можно только догадываться.

Известно только, что все они далеки от совершенства, даже самые совершенные из них.

И, следовательно, не следует предпочитать одну – другой.

Как знать, что в очередной раз вынесет на поверхность земли он, ровно дующий из Аида ветер.

ЧЁТ ИЛИ НЕЧЕТ?

(17)

Не то, чтоб вовсе не у дел...

Вот, например, вчера: дырявый невод
из сундука я вынул и опять надел.

Поднёс к губам манок, не век, но и не год
уже немой. И вообще – давно не мой.

Забылся звук его. Но и того не мало,
что жест припомнился. Старинный мой умелый
жест увяданья: до свиданья. Так с камелий
в ничто спорхнули б шопотные моли
или отсохшая игла упала б с ели.

Смешно, конечно же, да некому смеяться, если
теперь вместят пустоты скостеневших вен
семь-восемь капель прежних терпких вин.

Но хватит и одной, чтоб вновь понёс я вам
те сети ветхие. Возможно, полуночных мав
в них как-нибудь загнав, то есть, поймав,
услышим и манка, хоть слабый – а напев.

(17)

Но вы, наверное, чуть-чуть отъев
края уроков ведьм медвяных тенью
зубов, распустите плакиты леней
и дланью лепетной, так скажем, ланьей
покроете желанный, снова скажем, лал,
и молвите капризно: дряхлый лель!

Вы – уронивший не иглу, а весны лес,
где ухают больные совы на кружные веси,
и где любви напрасны вести и посевы.

Да, верно, прежде вас любили девы,
но слыша – что? Да властные манка напевы!

А я, к тому ж, не дева. Минимум – едва ли:

я мать двух совершенно зрелых сыновей
и доктор, и профессор, не слышали?
Признаться – слышал. Но и я, не знали?
Хоть и не мать, но тоже зрелых... эпопей.
Не сыновья, а всё ж какие-никакие дочки.

(17-7)

Ага! Тогда ускорим дело, укоротим строчки,
вы дальше молвите. Признайте: ночка ночкой,
а ветхий невод не покроет паутин морщин,
ни постоянства их, ни темноты глубин!

Ни пенья нынешнего снесь,
ни головы стальную синезь,
ни дома угловую инезь,
когда в глухой вечерний час
нас времени сокроет сизь...

Тут взгляд перемещу я: вниз.

(17-7)

Она права. И самый ясный день
накупится и звякнет «дзиль»,
когда мы вместе разожжём камин
и вспомним призрачную минь,
прольём слезами блеклу синь
в неволи ведомой одежде,
лелея хмурую надежду
испить забытых терпких вин,
тех синих вин и горьких вод
в плену у вкрадчивых неволь.

(17-7-7)

Я стряхиваю пыльный невод
в профессора туманный взор.
Я знаю блеклость дивных зорь.

СОВЕРШЕННОЕ ЧИСЛО

(11)

В этот вечер поспешных слов,
в этот бал торопливых танцев
у буфета, она, бутербродик съев,
мне сказала: а знаешь, солнца
будет достаточно, стихнут ветры.
Значит, мокрые губы утри,
чтоб не кисли. И вспомни это:
на Днепре, на Псле было лето,
вечерами вишнёвыми мир немел,
ибо ангельски тихим летом
перепел пепел пел.

ИЗ СТАРЫХ АЛЬБОМОВ

ОБНОВЛЁННЫЙ СОНЕТ

Я был зарезан на рассвете.
В кругу бледнеющих огней
палач фломастером наметил
места удобные ему – на мне.

Судья в проворных шумных тканях
немного театрален был.
Склонясь к писцу, он клык оскалил
и что-то прошипел из-под губы.

Суть приговора на полях пометив,
писец прочёл записанное мне:
я был зарезан на рассвете

в кругу бледнеющих огней...
Ну и т.д. Так всё на свете:
чем дальше – тем оно круглей.

НОВОИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДРУЗЕЙ И ПОДРУГ

1

Лист липы, ангела перо – или его праща,
какая разница? Как ни крути, а все они по кру...
Здесь можешь улыбнуться, у окна стоящий друг.
Опущен сверху дождь и поднят воротник плаща
ему навстречу. Ночь. И снова замкнут круг.

В нашем доме шагов не слышно.
В нишах дышат тёмные мыши.

Мой друг, пусть кто-нибудь оттуда
пошлёт тебе неотклонимую видень:
вот, скажем, путана ночная пуща,
но ночь – не ночь, как день – не день.
Напрасно глаз вострит по ней бредущий
и складывает рот в усмешки тень,
не увидеть ему нагих небес блистанья,
как не почуять ангелов дыханья
до дня последнего, хрустальных труб
и, надо полагать, серебряный мотив.
Так тащится на суд дрожащий труп,
не окончательно ещё остыв,
и не надеясь уж, и не простив.

И пусть поймёшь ты вдруг, мой друг,
что видишь в посланном тебе бреду,
где около всё, всё всегда вокруг,
меня. Что я, двойник твой, там бреду.
Но пусть останется твоё виденье сном,
и пусть растут твои сомненья в том,
какой из нас неотклонимой тенью
(о, кто ж из нас дрожащей тенью!)
бредёт необратимым тем путём.
А мне в моей дороге дождь косой
напишет радугой, быть может,
тебя во сне и сам твой сон.
И станем мы одно и то же.

3

Слетятся к моим зеницам
полузабытые лица.
Меж ними одно примчится,
твоё. Ни рыбой, ни птицей,
ни зверем – а знаком: вины.

Я скажу, отчего нам не спится?
Стаей лет пронесутся в ресницах
вкруг зрачка суровые птицы...
Я спрошу, отчего б нам не сбыться?
И ещё: зачем мы ины?

Как странно, я тебя веду
в тени германского дувала,
как в том серебряном году,
когда мне губы подавала
в тяжёлом колдовском меду,
когда мне губы укрывала
своими. В утреннем бреду
ты чем-то тёплым колдовала
и соки ягод выжимала
на блюдечко лица в саду.
И землянику подавала
на блюде черт своих в меду.
Я помню: в утреннем бреду
лицом летящим колдовала
тогда, в несбывшемся году,
тогда, в несъеденном меду.
И что же? Вновь тебя к дувалу,
теперь германскому, веду.

5

Я леплю тебе увечья.
Мне примером – птиц икающие речи.
Хваткий жест и точный зуб капкана,
автора звериных плясок. Лязг стакана.
Гласность рыбьего зевка.
Гнутый гвоздик каблука.

Я люблю твои увечья.
Ляжет снег тебе на лоб, на плечи,
и не стает. Но, свою оставив стаю,
тёмный ангел прилетит. И прилетает.
Я слепил тому причину,
полюбив твою кончину.

Очертив улыбкой круг,
вылепив весёлый крик,
прилетай, двуногий друг,
мне на наострѣнный клык.
Ты себе достойный дар
выберешь, я поднесу:
хочешь – красный пей отвар,
мерзок яд – проси косу.
В праздничный костюм одет
нам поможет дух двурогий:
счертит хвост змеинный след,
слепятся в копыта ноги.
Мой любимый в любой угол
вносит запахи козла,
ложем нам кровавый уголь,
одеялами – зола.
Но и ты, второй мой друг,
приглашённый к нам на ужин,
прилетай на красный клык.
Очертив желаний круг –
прилетай, двуногий друг,
вылепив весёлый крик.
Знай, хотя другою ты сужен,
станешь мне покорным мужем.

Я помню всё, что было с нами:
картина в золочёной раме,
на ней коня умытый горем глаз,
и тела тигра точный зуб.
И ветер в тот проточный вечер,
а утром – кошки злой зрачок.
И мой неровный бег в тумане,
и наш неравный сон в тумане,
и то – как ты в большом обмане
подушек мокрых тискала пучок.

О, мой четвероногий друг, мой стол!
 Коли настаиваешь – что ж, поговорим опять.
 В конце концов, с кем мне ещё болтать?
 Давай почешем мне язык, только не много:
 то, что у нас с тобой один и тот же пол,
 во всех значениях, и по четыре рога –
 ещё не почва для идущих далеко сравнений.
 И вообще не повод для больших волнений.
 Ну, а о том, что всякий повод перед ленью
 ничто – лишь дьявол забывает вместе с Богом.

Лады, с этим покончено. Скажи теперь: зачем
 мы так с тобою заняты и, прежде всего, чем?
 Иначе говоря – ответь, попробуй, что оно
 такое? Вот, в который раз гляжу в окно:
 бежит собака, кажется. Так и запишем.
 Прочтёт ли это кто-нибудь или услышит –
 плевать. Мы отдых заслужили. Но прилечь
 не получается, однако. Почему? А всё двойко,
 ведь за окном-то дог, а тут написано – собака.
 Поэты часто говорят: язык, сказать желая: речь.

По-видимому, наш вопрос, а что ж поэзия такое
 придуман плохо. Надо б – где она. Её мгновенье
 в расщелине глубокой между смыслом и значеньем.
 Она бежит и убегает там. За нею – мы с тобою.
 Итак, не дог колеблет за окошком корпус строгий,
 а я колеблюсь за столом. И стол колеблет ноги.
 Он ими упирается, а я разбалтываю их опять.
 В конце концов, кого же мне ещё болтать?
 Дай лапу, Джим – это другим. А впрочем, хорошо б
 и мне купить такого. И молчать: лоб – в лоб.

СНОВА ПРО ВЕЛИКИЙ ПОЖАР с. МОСКВА

Над селением коптится солнца коло,
Бонапарту паники колотит колокол,
а Кутузова единственная мышь-зрачок
тычется в кремлёвских чердаков пучок.

БОНАПАРТ:

Этот час – краткий год,
мне ли он назначен, мне ли?

КУТУЗОВ:

В обозе кучера запели.
Мотива лезвием ямщик
сегодня вскрыл мне сердца ящик.
Он пел: пролёткой одинокой
в платье мраморных узоров
нас невиданно далёко
увезёт несчастья повар.

БОНАПАРТ:

Этот час – краткий год
мне ли он назначен, мне ли?

КУТУЗОВ:

Ну, а если в самом деле –
мне, на чьём виске воровкой
птица-беспокойство бдит
и глаза вялую морковку
железным клювом теребит?
Нет, лезвие молитвы ямщика
мне вскрыло, всё же, сердца ящик.

РОСТОПЧИН:

Всегда вчерашние хлебал я щи.
Егорка, водки! Погребец сыщи,
тот ящик быть должен в обозе...
Ну, помогай отечеству, о Боже,
и мне. Не на словах, на деле.
Но, похоже...

БОНАПАРТ:

Мне ли ты назначен, мне ли
долгий час и краткий год?

РОСТОПЧИН:

Похоже, я недостаточно урод.
Не у меня больной висок
и пуганая мышь-зрачок.

СЕЛЯНЕ:

А голова расколота колоколом
и стружкой мозга скоро кора
скок.

ПОДНОВЛЁННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

А в уютной горенке
слёзы льются горькие.
И дрожит стакан: никак,
не любит подстаканника.

Припев: Запах синей речи
в русой ржи.
Волосы на плечи
ровно уложи.

А и в тёмной спальне
труп в кроватке маленькой.
И ответ глухой отбросил
гость настойчивым вопросом.

Припев: Запах синей речи
в русой ржи.
Волосы на плечи
ровно уложи.

А и в тёмной кухне
старушки ноют сухонько.
И цветами ядовитыми
голова увиты им.

НОВАЯ БАСНЯ

Толпа баранов робкорунных
кудрями завитых рогов
наводит на пастушку сон.
Овцы же чует чуткий нос,
что волк романс жестоких слов
вложил в зубов стальные струны.

ВОЛК:

Баран! Срастите плотно веки.
Живое ждёт один конец.
Рогов терновый же венец
нам следует оставить человеку.

ЧЕЛОВЕК:

Баран, растёт угрозы ножик!
Живое ждёт один конец.
Отдайте ж мне рогов венец,
из них наделаю я много рожек.

СТАРЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ

1

Мне странный подан знак: знакомое лицо
на стебле увядающем сюда склонило,
вверх по виску промчало тень ресниц,
открыв сияющие дали глаз, доньше тёмные.
И задышали ноздри влагой и туманом,
и губы разомкнулись, чтобы выбежало слово:
фламинго.

Мне странный подан знак: знакомое лицо
отсюда отклонило, стебель распрямило,
вниз по виску промчало тень ресниц,
во тьму задвинуло сияющие дали.
Вползли туманы влажные обратно в ноздри,
сомкнулись губы, чтоб не выбежало слово:
фламинго.

Почему – фламинго? Не приложить ума.

Глаз – пучок ресниц... глазальных.
 Пучок начальный – глаз печальный пук,
 плеск сниц глазальных, г-осли.
 Кна уриз ресниц, гец
 залг чуп ерко: ципс е
 ницо кре-пуч глаз
 начальный ци!
 Ериг скуз опал-г це идукс
 гр...
 Апол-г, цег зпру анки, лсо
 гыр...
 Гиру цлуе ачз-клоне
 ци не ерко, чуп залг.
 Пльчее ныч! Ах, аал пхь: ленч пчи.
 Ых глазальный, еча ысь гец
 ресниц уриз кна.
 Г-осли печальный сниц плеск,
 пучок начальный глаз.
 Пук глазальный – тёмный лаз.

3

В красно-бежевых узорах
беглый веер.
Веера мертвящий шорох,
бедный ветер,

всех его движений неживо...
А сами-то где же вы?
Лишь взгляды косо переносятся
над ним – мне в переносицу.

Жест – позы рук ... морозных.
 Где жест рук морозит позу руки жеста.
 Морозы разных рук, угрозы жеста.
 Жест рук – мороз из поз рук.
 Поза грозы мороза – рук угроза, тсеж.
 Оза рук, куразо морозный жест:
 пшизд, басо люкс – уоста морознайк
 кату оор! пеа жтсаж зоп –
 кура мороза: жпок!
 Е – жустар морозный, коп жуз морозит
 ерате кои.
 Же – зураст жпокуз – кстар морovejный
 рту-к.
 И-жо изста поза рук? Мороза позы поза.
 Рук поза – жесты мороза,
 рука руки жеста,
 рук морозных поза,
 рук жестяных мороз.
 Рук поза – жёсткий жест.

ИЗ АЛЬБОМА ЕЛЕНЫ

1

Днём и всю ночь падали листья в саду. На аллейки, на клумбы, в палисадник за угол дома, но туда их и без того стаскивают в кучу, чтобы сжечь.

И это были листья глаз,

их стебли. И в путанице их различных взглядов усматривалось одно лицо, которого она никогда не видела – и вместе с тем всегда видела и знала.

И линии полёта каждого листа, сходные с характером лиса, шорохи, сходные с его поведением, запах из того угла сада, где с лета забыт гамак, растянутый между двумя тополями,

всё было слепком этого лица и слова для его названия: Елена. Елена, сказала Елена, и проснулась. Днём и всю ночь медные крылья метали медные перья в сады.

2

Нам отдана под встречи
с выходом двойным нора,
воровской вчерашний вечер,
прошлогодняя пора.

3

Ещё слеза не пролетала.
Как же холодный вид очей
тебе на щёки пролит, талый?
Ты льдистый пей ручей очей.

В свете важных изменений предназначенных невест
прочитай азы решений озадаченных небес:
что в куст деревьев беспокойство внёс бес,
что призраком охоты потревожил пёс лес,
где козы белые носы укрыв паслись
и мышь упрятал бегло в пасть лис.

5

Упорно гнал он стадо мыслей
тебе на выгон живота.
Уж скоро станет выгон лысый
копытом ласковым топтать.

6

Ты сено тонких размышлений
не складываешь скупю в стог:
твои надежды – однодневный лепесток.
Зато твои одежды – слепок с тог
и губы мнёт речей ручейный сток.
И в перелёте скоры взоры,
и взглядом чертишь ты узоры.

Ты плачешь? Да, уж с мест снялись
и на щеку слетели льдинки.
Стал горек смятый века лист.
И речи отлепились в те морщинки,
что в тело губ твоих впились.

Пять этих строк случайных, торных
пять троп, которыми бегу повторно,
закрыв лицо. Так плотной шторой
скрывают свет в окне, который
отметил суток час последний.
Оттуда взгляды протянув вослед мне,

ты плачешь? Да, уже из пустоты
тебе на волосы слетает иней.
Их прядь качаешь пальцем ты
и тени лепят глиной синей
тебе угасшие черты.

Нас с тобою обманет
секретный сон.
Мы на синей поляне
не встретимся.

8

Тебе все важные лица узоры
устроил речи влажный шорох.
Но полотенцем слова вытер
твой робкий шаг, и шаль...
И хрупкий ветер.

Ты говоришь: был неизменно нежен
и вдруг змеиный проклял род.
Не бойся, кто-нибудь ему небрежно
соврёт о судьбах центробежных,
и вспомнит он листа к земле полёт,
уста твои и их молчанья лёд,
и стаи слов своих, и тот обед
у толстой тётки и её с базара мёд.
И главное – тот позабытый миг,
когда впервые он к тебе приник.
Тогда его ужалит злое сожаленье
и он центростремительным движеньем
свой вырвет проклинаящий язык.

Снова поздним закатом сколоты
золотого зрачка излучины.
Все закаты и зори скоро ты
посчитаешь делом изученным.

Над головой дурманом заколеблется лес кос,
как тропами тумана теснясь, порядок лез коз
(ты помнишь?) на лугов измятой веер.
Они всколеблются, как чёрный лебедь
с его подругою, когда крылами мора речи
(ты помнишь?) так внезапно реки горечи
нареяло на путаницу их частей тел.

Ты помнишь: вьюжными тогда очами
в лучах хрустальных я к тебе летел.

БАБУШКИНЫ РИФМЫ

1

Уже вино в надколотом бокале
не пахнет. Сизым пепла серебром
покрылись угли в печке. Дом
молчит. И тополя листы опали
на клумбу – палисадника лицо.
И сумерки объяли крыльями крыльцо.

А вот при бабушке – и сад, и даже дом,
помнится, пахли. Да, фиалками и табаком.
Сирень вздыхала о дожде, а рядом роза
наоборот, о падающих вечерами звёздах,
и получали то, что каждая из них ждала.
Так на веранде ждали чай с вареньем:
любившие меня кружком сидели у стола,
слетались вместе взгляды и сплетались голоса,
оса на миг вплетала в них своё зуденье...

Всё – снег вчерашний, утренний туман.
Ещё на клумбе досыхает один тюльпан,
а в доме бабушки совсем уж пусто стало.
Уже в забытом на столе, надколотом бокале
угасли отблески последние, поблек
и этот отражённый свет. И сумерки упали
на книги лист из призрачных библиотек.

Когда птенец, ну, например, утёнок
проломит клювом скорлупу,
в потоке зрелостей тотчас утонет
его весны несмелый пух.

Отныне каждый, горький или сладкий,
миг становления ему мнёт складки
морщин и перья редит. Впадины висков
заметно углубляются. Худеет тело.
О крыльях умолчим: там пара волосков.
И вот нагой, как одуванчик облетелый,
утёнок вдупель отощавшим воробьём
распят на паутине дней своих осенних.
И рядом на крестах, всего – втроём,
распаты сходные с ним светотени.

И в шопот их отдельный шорох вшит,
как в ряд ресниц одна шуршащая ресница:
тому, кто пеплы станет ворошить,
не следует излишне суетиться.

О, Азия, оазис твоего лица,
подобный блюду сладких слив,
вдвойне заманчив в неба парандже.
Но мой осёл, так назовём его, ленив.
Лишь отрицательный его упорен жест.

Нет, мне бы, как обычно, проходить
в соседний дом сквозь европейский сад
и слушать слов хозяйки мрачный ряд,
одетый в смысл – и в то же время голый.
Зато под платьем чересчур тяжёлым
всегда шатун её коленей заключён
и в знаков книги регулярный сон
зрачок лиловый слепо погружён.
Из сада, тронутого капель ливнем,
вползает в двери и в округлое окно
сирени дух. Не знаю, есть ли в нём
полезный элемент, но и фальшивое вино
годится, ежели пьянит. Товар – товаром,
сказал бы я, а вышедший из моды вальс
сгодится тоже, если как-то сводит пары.
И в их числе меня и, может, вас.

О, Азия, оазис твоего лица не смог
сманить меня. Сам в непроглядной парандже,
осёл не вздыбит вялый корпус меж моих ног.
Лишь отрицательный его упорен жест.

НОВАЯ СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

СТАРИК:

Ни отдыха не зная, ни торжеств,
не помня, мыта рожа – не умыта,
ссыпал я кучи важных жестов
к увечью твоего корыта.

Пускай, старуха, твой зрачок
в белке плывёт нагим цыплёнком
и плесенью давно ресниц пучок
накрыт, а век помяты плёнки
и виснет гроздью кура щёк –
повелевай: чего тебе ещё...

Но что ж молчишь ты?

СТАРУХА:

Ишь ты!

А что ж осенняя одышка лета
рвёт паутинки бабьих снов?

Что ж прерывает их полёты?

Где их мечтательный улов?

Вот он, вороны ворохом слетел
на листьев мокрый слепок тел.

Темна его души прекрасная улыбка.

И мне уж не красна золотая девка-рыбка.

Тихо лодка вверх дном плывёт по Оке
в Книгу Красную. Пара орланов на ней
белоплечих: А. Белый, А. Блок. На песке
ни следа от рассыпавшихся камней.

То ли тени попарно тонут в Оке,
то ли снег и туман. Но ни Книге следа,
рассыпаясь, не дарят, ни всплеска реке:
Калуга, Коломна, Рязань, Нижний Новгород
и т.п. – белоплечие все города.

୩୦

Галине У.

ГАРСОН В ГАРСОНЬЕРКЕ

*– Мне страшно не писать стихов, –
сказала Алла.*

– Так страшно, как и начинать.

*– Тогда проследуем в кровать, –
ответил Алик вяло.*

*– На свете многого не мало, Алла,
о чём души моей кровать.*

Владимир Устинов

Проснулись после вчерашней сауны в пятнадцатом бецирке, у Димона: хозяин, я и Бельшан. Они весь вечер пили портвейн, а я навалился на гамбургеры. В Братиславе хирург одобрил мои клапана, это после инфаркта-то, значит – свинство можно продолжить.

Утром и возникло это трёхголосие, полифоническая сцена, в которой каждый – на своём месте. Я голый, но в носках, чтоб ступни не мёрзли, в излюбленной позе: поперёк кровати, подбородок на грудь, гитара на пузе – играю гаммы под телевизионное немое изображение. Димон шаршится по квартире. Чтобы очнуться окончательно, мычит в ванной военный русский марш. Бельшан на кухне, в рваной на груди майке: это от непрерывного почёсывания. Поддёргивает сползающие трусы, вычищает хозяйский срач. Сам Димон и ложки не вымоет. У меня своя отмазка: трели и арпеджио.

Хозяин мычит и плещется. Я выдрачиваю репетиции. Бельшан разрабатывает прилипшее вчера к языку словечко «кончики».

– Кончики, кончички вы мои... нессянечки... нессянечные кончички. Ахи-охой! Сукишня. Ах, вы мои кастрюлюшки, пачулечки, грязнулечные кончички...

Входит лоснящийся Димон, просит оценить купленный в Лондоне лосьон. А также заколку к галстуку – ах, какая заколочка, нусюнясенькая заколочечка. Напевает «Марш энтузиастов». Я скребу струны, трещу свои дьявольские трели. Бельшан:

– Сукошечки, кончечные... ножички-кастра-толюлечки...

– В бу-уднях великих стро-о... Вот заколка хреновая! Колется. Капельки для глаз мои, Владимир Николаич, не видали?

Я трещу своё, сжимая челюсти.

– А-а, сянюшки, охоюшечки кончечки... Уж скоромы, и тогдаух...

– Да-да, в холодильничке, в буднях великих строек... Слеза запотевшая наша. Да ты кончай это, суетиться.

– Да я ж просто так, чтоб лучше чучунюшка пошла...

– Отличные капельки!

– Сянечки пачулечки кончиковые, готово! Я для чего чищу-то, а? Чтоб спокойно сесть потом и это самое.

Я уж знаю, предстоит дискуссия на тему: начинать пить или пока только лечиться.

А вчера – под стеклянной пирамидой голубая вода с подсветкой, пальмы в заливах, диковинные красные цветы. А выплывешь один из пирамиды под небо – и тебе так буйно-растуще, так сладко, и так душно, и ты туда же, куда и бирюзовый водный парок: в чёрные небеса. С девяти вечера до одиннадцати я б и там был один. В небесной гарсоньерке. В нулевом бецирке.

Впрочем, я и в моём четвёртом один. Эх, сказки, сказки... венского леса.

ЧЕТВЁРТЫЙ БЕЦИРК

1

Молчанья столько, что сойти с ума.
Молчат ковёр, часы и книги.
Бывает, за стеною тюкнет
(так... иногда), но это ж – где!
А я – внутри. Так в янтаре
старинно цепенеет цыца.

И всё ж нет-нет, а ведь бывает
(так... иногда): царапнешь штукатурку
или так быстренько, легонько постучишь...
Но это утром.

2

Кончатся в доме арбузы.
И мясо из дома уходит.
Мне снится: дочь Ядвига
лежит на опилках. Доходит.

И плачу, и силюсь припомнить,
у кого и когда мне дочь.
А только вижу где и кто:
холодный цирк, арена, ночь,
наездница в красном лет сорока...
Заплыли опухоли – её глаза.
Знаю, что не помочь.

И лошадь зубастая снится.
И ржание лжи.
И обруч огненный.
И ржавые ножи.

Читаю издалека.
Руки короткие.
Дальнозоркость длинна.

Линий судьбы уже не различаю.
Из трёх осталась, кажется, одна.

Зачем мне перстень с бриллиантом, если
его увижу хорошо лишь лёжа на спине –
его, надвинутого в кустике лобка
на череп петушка.

Зачем так далеко? Когда бы перед носом...
Да петушок сюда не достаёт.

Спина, казалось бы, чужое нечто.
Другая сторона вопроса.
Как ни садись я, ни вертись,
а днище лодки в шею носом:
так панцирь чувствую спины.
Спина – чужая дверь к себе домой.
А между – дышит родничок молокососа.

Зобной ухан когтистым клювом
царапал щель моей квартиры.
Мне глаз на темя положил.
Надвинулся: ну-ну же, милый,
давненько я тебя приметил...
ну, покорися изо всех сил!

В ответ я ничего произносил.

6

Полюбили мы, люди, работу.
Полюбился нам и досуг.
Эх, жить бы да жить на свете!
Вечно б доить козу.

БЫЛИ

1

Мельник работнику выдал дочь,
старшую вместо младшей.
Младшая любит всю жизни ночь,
прислужой детей его ставши.

Все помирают: работник, старик,
мать тех сестёр умирает...
У старшей работникова родня
детей отбирает.

В доме остались сестра и сестра,
старшая краше младшей.
Молча живут. Сам дом молчит.
Мельница, из-за которой
тихо влачат молчанья...

2

Димон на ночку Тину заказал.
Он чёрну жопку на ночь пригласил.
Скотину Тину с острова Борнео...
Дорогу всю на автобане
он дверцу заднюю открывал,
желая выпасть и поспать
немедленно на травке.
А у форштадта на заправке
он подарил букет русачке,
за просто так: в окошко БМВ.
А та немедленно спросила номер телефона
его (чтоб свой, конечно, не давать).
Какие милые мы все!
Ну что ж, хозяин – барин.

3

Там круглый год температура 25.
Туда перевели посла, её супруга.
Опять ей вслед за ним туда летать:
подруги верной роль играть.
И год при нём, что надо, исполнять.
А если – три? О, о! Избавь, царица Мать...

Послица валаамова скорбит.
К чему ей ётот юг, чёрт знает, где?
Остатка жизни приторный сорбит.

4

Маша и Саша сделали дуду.
Стелла и Гриша варят плов в саду.
Бухара далёко, жизнь не минарет.
А взлетел высоко – снизу пистолет:
целятся в тебя злодейки,
бывшая жена и одна ищейка.

Кверху фейерверком –
вниз летишь салютом,
бывшей и ищейке
в темячко валютой.

Пушки наставили, самолёт в полёт...
Весело, весело встретим круглый год.

5

На чёрном фоне маслом роза.
А под стеклом очков – мимоза.
И на подвязках имя Маша
переполняет Саши чашу.

На фоне чёрном розы клетка.
Какой же век наш малолетка!
Осталась Саше усталость Маши.
А Маше – сашины гамашаи.

ЗАПИСКА

Вначале было слово.
И я ещё была девчонкой.
Работала на мафию друзей.

Потом, когда мне слово изменило,
немая я по дури всей
с милицией связалась, идиотка!
Убей меня, Марат, убей!
Остатком жизни чувствую тебя я тонко...

Вынай свой вострый ножик поскорей.

В БОРДЕЛЕ

1

Саша, прикосновение ваше, а точнее – туше,
Сущее наслаждение вашему мужу, и даже его душе.
Вы рояль, а он – ваш грузный пианист.
Туши аккордов грузит, сваливает в акр фьорды.
Такую, как вы, держать бы в закрытом футляре,
А он всё бурлит да бурлит свою гаммой.
За вами в погоню орды Мамаю,
В мае вас видят Карпат орлы.
А у него работа до восьмого пота:
Из клавиш, бедный, рук не вынает...
Но каков опыт!

Ваши клавиши, синьор, – мыши.
Как вы их... врассыпную, мать!
Мыши чёрные, мыши белые.
Вы котом хорошо устроились
и ну их на месте гонять.

Зуботычины да затрещины,
где когтями, а где ногой.
Рояль вам, горбатый, подставил спину,
он в зале дождей богатых
и сам ведь, прежде, дорогой.

А в зале ловят каждый ваш писк,
им дорог всякий игры вашей хвостик.
Ни чёрный – ни белый: гости
все среднего рода, серого воска.

Карнавальная ночь в Венеции.
Чёрные воды каналов гладят
узкие пальцы гондол.
Исполнитель, исполняющий
обязанности кота,
стирает пудру со щёк, помаду,
сидит один перед окном
в гостинице Лидо.

Шейную трёт артерию.
Озябли руки. Валидол.

Арфистка и скрипач играют тихо
в борделе нежное, так тихо,
что слышен каждый вздох.

Арфистка в подвенечном платье
астры белой. Скрипач, одетый как
скрипач, но смахивает на дворнягу.
Жена зовёт его в сердцах:
кабздох.

Проходит Сильвия, скрипя хозяйской туфлей.
Арфистки бедной плечики дрожат.
Кабздох ей кланяется низко, в пояс.
Клиент, штаны снимая, пышет на дрожжах.

А Сильвия подносит к носу пальчик
задумчиво, как на похоронах:
«Итак, артистов занавеской занавесить,
со скрипачом решим потом,
арфистке ж – обязательно фату.»

Арфистка и скрипач играют нежно,
тихо. Всю ночь.
Под утро же
им хочется самим включиться в дело,
испробовать его, помочь...

«Тепло ль личинкам жить в навозе,
в душистой куче, и в саду?»
Но что там... чёрное виднеется из зада
клиента из Ростова с красной рожей?

Арфистка прячет личико в фате.
Скрипач покручивает носом.

Проходит пробы ночь,
заканчивается ноктюрн Бизе...
Берут арфистку на работу
без вопросов. А скрипача?
Со скрипачом решат потом.

1

Жизнь – самобранка
скатерть и дерюга
подлюга и ворюга
красавица и подруга.

В горах темнеет рано
ну, а восходит поздно
а ну и не восходит –
животные живут.

А которые в город спустятся
которые в городах блюдают
весь год себе же мерещатся
кричат, зовут: ау-у-у!

В городе ночь короче.
День длинней.
Жизнь свирепей.
Ест и ест человека...

А что такое – человек?
Неужто... репа?

2

Восходит солнце – морщит камень.
Луна-послушница – бежать...
Порхает лёд и пламень.
И розовый в оправе «ять»
звезды заря являет.

Морщина губы каменным слонам
рога ломает.
Если хочет.

Случилось, что он нянчил, канюча
страха упыря.
Тот рос, упругий мячик,
угрюмый мальчик,
огромный, губой похожий на хмыря.

Мяуча возрос раскос
и вот однажды ему предстал
во весь аборт и рост.
Обняв, ему он в нос дыхнул,
пунцовый любитель багровых засосов-роз.

В голове сверчки и водопады.
Листопад шумит, не переставая.
И заблудшая собака, воя,
в чаще отбивается от лис осады:
слюнявая, полуживая.

В голове гудит завод в свои трубы.
Гудят сосуды
полные разлуки и огня.

Стихи, как груши мягчают.
Всё слаще: ешь их быстрее и давись.
А сок их требует твоих почек участия
и перистальтики вертикальную низь.

Лучшие годы – они туда же,
неслышно, как пауки.
Худшие – все солитёрами ражими
мне пузо вздымают, большевики.

Уже как будто засыпал,
ныряя в реку сна, как утка.
Над водоёмом хвост торчал,
а голова по дну плыла...
Всё оказалось – утка.

Стоячая вода, резиновая птица,
бессонницы кокотка в белом вся
вон, с берега в меня берданом целится,
берёт на мушку, бесприданница,
рассудка моего синицу
и чпок-чпок! В два ствола
свинца дуплет под черепицу.

Топляк спиной кита чернеет в тине.
Он прочно этой ночью сел на мель
под звуки пляски, миллион их!, комариной.

Доверь бумаге жалобы и худо.
Скажи: устал до жути
и жизнь, похожую на Ж,
иначе, чем «жиреющая сука»
не зову.
Вот-вот себя ты проклянёшь.
Вот-вот, себя убив, умрёшь.
Давно убил бы, кабы точно знал,
что Бога нету.

Невидимые братья стерегут тебя,
пока ты тут. И жмут тебя в объятьях,
за ухом нюхают, нахально ржут...
Один – известный миру Гога,
другой зовёт себя Магогой,
тебя за мышки с воем волокут.

Всё ждёшь и ждёшь.
И что ж? Проходит.
Так и скрипишь в кровати.
В доспехах мучаешь гальюн.
На камбузе готовишь в латах.

К чему готовим молодёжь?

Кошка пробежала.
Её тяжёлые лапки давно уж – где?
Её топкие лапки.
Её толстые тапки.
Её тяжёлая матка,
больные дни.

Её такие... причуды.
Её поступание тебе.
Её приходы.
Её ж уходы.
Её б.

ПОХВАЛА ГОРЯЧЕМУ ВИНУ

лампы вечный свет
в ванной течёт вода
слипаются мои глаза
справа-налево цепи воспоминаний
из-за угла – за угол
с виска на висок
катят и катят ленточки
строчки:

конь Украины
велосипед Башкирии
небеса Австралии
и просто весенний пух
вниз по реке

ЗАТМЕНИЕ

Вишнёвое яблоко с розовым мясом:
август перестарался к затмению
В обед видел его я сам
не сон не солнце
а как его там
плашмя сон... звё

Звёзды гвоздями
из крышки повывезали
точь.в.точь
короче – ночь

Вишнёвое мясо шкворчит на углях
Яблок печёных ищи в пепелях
Разгладится днище денщик вернётся
не с солнцем, с китайским китом Взы-Бёца

1

Это фён, он сладок.
От него тошнит. Я вижу его
в каретах скорой помощи
(так он ездит по городу).
Самое время пинать листья:
после фёна всегда дождь.
У осени тонкие кисти.

По городу собачники с сиреной на машинах
вечна смертушка: баба с косой на коне.

Облава: вохененде был объявлен
долгожданно урожайным на инфаркты.
Сердечникам скомандовало радио: готовсь!

И точно, что под левое ребро
всадило рыбью кость,
ой, долго! Жабрами сосал
сквозь липкую рубашку ночь.

Но, видите ли, обошлось.

А в тыще вёрст отсюда страдает тёща.
Грузная, добрая, родная.
Она-то точно умирает там...

У ней сбылось.
Её, голубку, голой ветер ли
сквозь сита сети прогоняет
аминь или авось?

3

Погоды труп прозрачный холодеет.
Бледнея – солнышко худеет.
Белеет, словно парус одинокий.
То землю зимнюю хозяин ожидает одноокий:
Советник крепкий, чудный Князь земли.

В моей жаровне глаз глазуньи остывает,
я тоже жду.

Кулаки в муфте – козий мех.
Губ помадка, козий смех.
Манера толкаться плечом.
Корпус – волчицы повадка.
Налаченные волосы килем вверх.
По самые уключины осадка.
Поверх чулок – сетка.
Пальцами каблуков землю истыкала:
бешеная!
Приплясывает.
В голове та ещё дырка...
В глазах дурдом.
Бог мой, какие мокрые слова!
Во рту конфетка.

5

Лицо зарёвано дождём.
Зарезанный малиновым ножом
с открытым ртом оставлен за кустом.

Пиджак отняли праздничный
и брюки,
суки.

Пакет рассыпали и розы
распинали,
швали.

И вот – лежит один,
и дождь ему в рот
лёт-лёт.

Весны, подружки не увидит.
В ногах потоптаны: цветы и вобла.
И небеса.

Нет, не могу успокоиться!
Дело ведь к распятию –
куда же смотрит Троица!
Вчера казалось, что не будет
подобного богохульства.
А всего-то было:
день злобы – ночь страха.
Но вот и началось: край краха.
Не крохи, каравай мировой
на улицы понесли.
С солью и скатертью,
ножом и плахою.

Поражённый жизнью отползал,
своё по матушке-земле отползав.
Он напоследок покидал вокзал,
окинув путь свой кассы возле.
И ничего в нём путнего он не нашёл,
такого, чтоб похожего на пользу.
В углу отбитый бок баранки
и чей-то шприц припрятанный лежал.
Душа рванула вниз на санках.
И в кругосветку хлынули сердца.

8

Мягко мнёт мне извилины эта тема.
Семь полицейских и сорок три демо
покалечены за эти дни в Вене.
По утрам гимнастикой разгоняю дерьмо в вене.
Воду пью, насыщенную сульфатом.
Как-то раз нос к носу встретил Я. Арафата.
Или М. Аграната?

1

Я баб никогда не любил.
Легче Гоголю не найти своего носа
без зеркала, или отыскать подмышки у червя,
чем доказать, что я их любил.

Само слово – словно пустил шепунка.
Рэпнул в танце, обвильнул
вони облачко, ей подмигнул,
обхватил покрепче тело:
о, как с тобой хорошо, чи-чи!
Ой, не забуду ночи дрочи!

Но это – другое дело.

Зачем ты, жено, жрёшь себя,
зачем настойчиво свой возбуждаешь голод?
Я старенький отец твоих детей.
Мой оттянулся змей-обрубок:
белеет дождевой червя кусочек,
под каблуком мясисто издаёт
«цырлить» – когда наступишь
на асфальте мокром утром, в холод...
Ей-ей! Зачем детей в свидетели зовёшь,
балуя вредным их воображеньем?
Ты им зачем накладываешь
в бедные и без того пеналы
говённые мелки?
Им в готовальни вместо циркулей иголки?
В американку с бомбочкой играешь.
Себя саму и их с собой взорвёшь.

СЕМЬ ГАРСОНЬЕР ДЛЯ ГОЛОСА С ГИТАРОЙ

1

Я вижу:
глаз в полонна
безликий
безмигий
мутный
насквозь
меня

Не глаз ли это Отца?

Я прошу его: сузь!
Твой вижу огромный глаз
во всё окно: сузь!
Ведь если вот так простишь ещё –
к утру обоссанный умру.

2

Мне бы просить у Отца продления визы.
(Усмешку предвижу, сам такой.)
Работаю тут, кормлю детей и жену – там.
Вчера меня вызвала письмом полиция.

Мне бы просить Отца оставить всё, как есть.
(Предвижу самого.... такого.)
А я прошу: помилуй нас, милый.

Играю очень тихо гамму.

Сегодня в Австрии праздник.
Нажрались вчера и спят.
В этот день их землю покинул
последний русский солдат.

Играю чуть слышно гамму.

Чтоб не разбудить соседку Эльзу,
дочь ефрейтора-канцлера Клима.
У неё ведь кулачки заточенные,
у неё ведь пальчики кун-фу!
Никогда соседка не видала,
но может – ещё увидит нашу тайгу.

А вот папа её познал тайгу воочию.
Между Нерчинском и Магдогочеею.
Вот он-то поздно вечером и постучал,
когда я гаммы тихо играл.

Я на русском ему отвечал.

А он того и желал, того и хотел.
Он за то на лесоповале потел.
Молодая русачка его любила,
ах, как любила! Так она говорила.

До свиданья, папаша, я говорю.

Нет, я праздник ваш уважаю,
сам такой же справлял, и справляю.
Знаю, тайга исправляет...
Только я тебе дверь не открою.
В вашей тундре я голый за дверью стою.

Видерзеен, папаша, говорю.
Я водка не пью.

4

Лучше б я печи клал.
Лучше б дымом заведовал.
Вот бы он у меня погудел в печи!
Попотели б горшки с кашами
да с киселём, натомились бы щчи
с малашею.

В баньке бы дух стоял
прозрачною неба синью,
под крышей кипело бы всё,
не пахло бы псиною
устиною.

5

Поговорим о переменах.
Разве тогда, в Сибири, я думал,
что друг мой Авенир –
уменьшительно: Веня –
предсказание мне жизни в Вене?

Теперь я строго спрашиваю тебя, Авенир:
мне что ж, готовиться снова в Сибирь?
Или Каир мой, растворённый в венах,
берёт прицел в иной блезир?

6

Не клади, брат, сердце там, где печень.
И в кишечник сердца не клади.
Толстую кишку – её не мучай
и себя в неё же неэби.

По крайней мере, жизни круг
свершён многоугольный:
к пятидесяти как-то вдруг
меня согнуло пополам,
свободно – но невольно
затылком в пятки, к каблукам.
В два раза ниже ростом стал
и ничего себе – стою.
Чуть странно: на лопатках зад,
а никому пока не больно.

Россия-мать, роди меня обратно.
В твоё дупло я сунусь кратко:
известное отверстие пройду,
на сей раз – тоже головой вперёд
и прямо в матку.

ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ

«Твоя жизнь – сплошная поэзия»,
мотнула подбородком Алла.

«А у меня материнский инстинкт,
сразу хватаюсь за метлу».

О да, верно, дорогая!

И чисто, как в раю.

«Всё русское общество – фальшь и садизм!»

Ах, Алла, тогда на колени ко мне садись.

А что до общества... То давай, как вчера:
спиною.

У НАС НА ВОСТОКЕ

1

Россия. Полнолуние. Мятель.
Чуть слышно лают вдалеке собаки.
На кухне не включая свет,
вчерашний подьедаю винегрет.
Смотрю в окно на огоньки...
Знакомый с детства тараканище
в пятне луны на подоконнике.
Не знаю ничего и в никого не верится.
Забытою пластинкою Земля чуть слышно вертится.

2

Я уведу тебя далёко за водой,
а пока – слышишь? Свеча трещит.
Чтоб спорхнувшие к нам не загорелись,
ты её задуй. Спи
и никому не завидуй.

3

Лягу к маме. Рядом папа.
Вместе – три богатыря.
Лес берёзовый уральский,
кладбище простого дня.

Незнакомые знакомы.
Всюду русской буквы начертания.
Иней блещет, холод каменный.
Рек молочных вкусный пар...

Позабыл кисельный берег Европы
поэт, объевшийся нектар.

Полная ночных муз Ока
купают мазурика.
Слышны буль-були русалок узника,
его приманила на зорьке мазурка,
в руках забились удача рыбалки:
красных хвостов музыка.

ПЕСНЯ

Те моряки, которые открывали Ямайку
и обучались дивным языкам, не зная,
где их застанет смерть, но лучше,
чтобы не тут – но там:
где каждая утята про тебя знает,
на хуторе у вечнокаменной реки,
где маму дядя жук пугает...
Там умереть хотели б моряки.

Бог любит троицу
а я люблю его за это
всею плёночкой души
плюю себе к ответу –
комочком сереньким
в пыли у ремешка сандалии
свернулся пятнышком

СНЫ К ЗАКАТУ ЛИЦОМ

1

В мозгу отёчном шевелятся прозы
В руках их списки жалоб на него
И дыбом волосы встают: такое там
они читают, чиня и продлевая суд
Мимозы страхов – веки на глазах
трепещут от вопросов

В квартире пахнет перегаром
И длинные рубашки рукава
гармошкой ссучились подмышками
И ворот, ворот не его
у слабой шейки шлейкой свился

В отёчном мозге шевелятся козы
Блюют и блеют от грозы
В квартире пахнет скипидаром
Насыпались ещё в проломы осы
невесты яблонь и красы
весны, цветущей за забором

Я – ягуар поневоле заживевший.
А по воле – гяурами бы питался:
по одному за хвостик в рот
трижды в день.

Но я и тигр не образцовый,
у меня лишь морда бородата.
Тунец я тоже плохой,
и родитель непутёвый,
пусть и похож на морского льва.
Вообще-то я ангел тыщеглазый,
у меня пуповину сам Бог отгрызал,
а я Ему пятки шершавым
моим языком лизал.

Да что же это я!..
А что? В такую жару
и не до такого доходят.

3

На дне бетонного колодца
об лужи шлёпается дождь –
понятная примета.
Ну что ж, до вечера работа.
За час до сна
чего-нибудь в себя вольёшь.
А ночь пробудешь там,
куда сейчас и хочешь – и боишься.
И близок оловянный бок:
холодным богом к сердцу ковш.

Сакральным сердцем Сакре-Кёр
Монмартр не оглашает
Приезжий дедушка не зря
Житомир вспоминает

Больная внучка сладко спит
У ней беда с ногамы
Мозольны шпоры, бледный вид
Ей скучны парижаны

Тулуз-Лотрек не заходил
Замурзанный деламаы
Ему бы с внучкой поболтать
Померяться ногамаы

Гогену б внучку посетить
Она ж его любыла
Или хотя бы уж привет...
Всё б веселее было.

Дедок на внучку посмотрел
Сакрально сердце сжалось
И больше из усты дедка
ни в жисть не раздавалось

Бородой свисает туча,
перхоть стряхивая вниз:
бакенбарды чешет, щёки
на людишек сотни лиц.

Манною в снежки играя,
мальчик в девочку попал.
Дяденька собаку Бяку
в снег убитой закопал.

Бородой свисает туча,
слёзы каплют из глазниц.
Паренёк своим вонючим
погоняет кур-девиц.

Бороду таскает ветер:
лоб сухой у старика.
В нём застыли два холодных,
два проваленных виска.

Тихие внизу пустыни,
всё без окон, без дверей.
А в четверг после обеда
вышел замуж соловей

за рака...

1

Под столетнею сиренью у моста
в чёрном фраке ты сидела за
столом:
лоб высокий, лоб надменный,
голубился твёрдый взгляд светил.
Так и кайзер Карла Прагу укрепил.

Щёчки вялые чуть дрогнув,
мне сказала важно: нет.
Накормить тебя хотел я,
под ноги слагая флаги,
локтем вдвинув минарет.

И поднявшись мысом-грудью,
флагман носа унесла.
«Йе-нег нет...» пропело в ухе.
Ей вдогонку шарил стенку,
пел просильные слова...

2

Прага – карга в платке
Косорылое в бриллиантах
Угли в утюге
Крючконосая
Грудь в мешках
Павлинье золото
Золото львиное
Тигры под подолом

А на подоле тёплый каштан
В голове – Замок
Под платком вши
В штанах гуляш бехеровка
В сбитых туфлях шиши

Кипят, кипят ночные пузыри!
Асфальты луж, огни витрины,
ты в капюшончике стоишь...
стоишь... и трусики-чулки...
Сегодня звать тебя: Карина.

К тебе машиной быстро еду я,
учёный космоса и астронавт с усами.
Там, за бортом, не дунешь в свой тромбон,
и в безвоздушном не наполнишь свой баян басами,
а тут...

Дождь шелушится миллионом пузырей.
Их бреет бритвой власти брадобрей.

1

Ух, какие у него омлеты!
А копчёности! А борщи!
У него можно ходить раздетым,
два старичка голышом – свищи!

Правда, ноги стали болеть у Бельшана.
Да Карась Моисеич Изжога за зебры берёт.
Но придёт время вернуться его индуске,
быстро встанет и... кепку на плешь.

Блестящая машина!
Хозяин гладит по головке
старенький Пежо.
У окон щёчки протирает осторожно,
не чьим-нибудь, а собственным плащом.
Своим ножом он нарезает ей закуску
и пепельницу ставит на капот...

На пятом этаже жена-индуска,
от хохота распялив рот,
стоит перед зеркалом,
растягивая на виске кудряшку.
С собою в зеркале она в ладу.
Кому, если не ей, известно:
Пежо не настоящий.

Бельшан-то выпить не дурак,
поговорить, и музыку послушать.
В звезду Пежо он верит каждый год.
Ему бы вкусненько покушать.

Итог: блестящая машина.
Хозяин по головке гладит
свой старенький Пежо.
Хозяйка рот распяливает ловко.
Седает грязное словцо.

3

Нагреем комнату, докажем,
что состоим не из паров
какой-то жидкости – из газов.
Вольём Вальполичелло внутрь
1,5 литра и поужинаем сразу.

Потом – невольник сна падёт на боковую.
Над лысиной его вскольшется парок.
Во лбу взлоснится счастья бугорок...
Таким он снится деве лироглазой.

Почему-то около 23
в их кафе уже не пьют пива.
Посетителей нет. Кафе-Арт.
На стенах висят новые обнажённые,
ещё страшней старых.
Чёрно-зелёные задницы,
чёрно-синие передницы в водорослях.
Лиловые темнеют свёклы, бабы-бураки.

За столиком – хозяйская дочь,
курильница выхлопов, смотрит в окно:
в ночь.

Сосёт сигарету, словно играет с собой.
Но она уже старая – ну, тогда на гобое
отбой.

Ногтем большого пальца ковыряет
остатки лака на среднем.
Утром, в обед и ежевечерне.

Мокрица, гусеница? Не понять.
Хвост у гадюки тонкий, длинный.
Ползёт, вихляя...

Её прижал и кушал муравей.
Альпийская, быть может – молодая,
свалилась набок под конец.

Ища спасения в поленьях,
до дому доползёт она едва ли.

Поев – привычный глазу муравей
(а может отъимев, кто знает),
с толстухи соскочив,
дал стрекача весёленький, бывалый.
А позже видел я её: опять
паслась, хвостом колебля травы.

Он муравей – как муравей.
Она ж – не передать, какая мразь.
А всё туда ж... О, Австрия!
О, нравы.

Старость, жди стихов от стариков.
Мечтая о любви, он жаждет её оков.
Вон, окованный блестяще в латы,
он видится себе и стройным, и богатым.
И силу чувствует, и остроту булата.
Не хочет старый умирать,
обвислым выменем трястись.
Он хочет тут ещё – не там –
маленько попастьись.

В консерве рыцаря, в железной банке
слезятся слезятся его останки.
Потешные поэты – старики...
Но помните, ребята,
старухам-поэтессам хуже.
У них в доспехах медные трусы.
И купорос им очень губы сушит.

В нашей пиццерии на углу – специалист.
Его зависти зависит пиццы лист.
Итальянец лысый, нечистопородный,
из Бозена, облизывается: пиццы лис.

К жару – на кухне жар плиты.
Наш на белом тесте кусочки лосося
раскладывает, шпинатом чернит,
тиной темнит – и в печь:
формирует пиццы лик.

Брат его за стойкой – Кьянти льёт.
День хороший, закат дубовый,
посетитель прёт.
Сестра спешит, разносит пиццы лица.

Во дворе пиццерии мать ставит
рыжие лампы на столы,
чтоб синее, южнее небо было!
Пусть венчанин ест пиццу,
пока их Гитлер не объявится.
Вон их сколько сидит, все кушают...
Медные свету на пиках лиц.

Парада тон ос.
Гусеницами лязгают стальные коровы.
Швыркают слякотью сапоги.
Знамёна дёсен раскрыты сурово.
В гнёздах шевелятся зубы.
Парадонтоз.

Назови сойку деревом.
Объяви ясеню,
что он – кактус так себе.
Попросись в мужья лебедю.
В луже лебеда, осень.
Снег в ладони подтаял.
Между пальцев границ
сверхтонкая река.

К слову сказать, что крильчань
ас чуминь Миздя.

К слову сказать: зацепить,
нанизать другое слово.

Или вот: достаточно ли сказать,
что Миздя возвратился домой?

1

СМРТ

В холодильнике души
не воруют мыши
И надежды малыши
еле слышны

В морозильник гусь вошёл
скинув оперенье
Ягодки любвей иных
в баночках варенья

Холодильник маленький
в комнате большой
У окошка день-удавленник
машет палашом

Быстроходные часы
бусинки роняют
Ожерелья нитку рвут...
Вот война какая.

2

Заложило ухо серой
коложопым хмурым хером
Глухотупый мутный сон
в жопу хором заложён

На базар ходить боюсь я:
не расслышу точно цифру
В метро боюсь без языка
прочсть в газетных лицах
«Иху Ниху Я»

В Ниццу б, в писку-баловницу
коложопый хмурый хер
Всюду гулко справным хором
небоскрёбый полимер

И серпом свиней б ослиных
гнать срезая наземь яйца
Каблуком давить их яйца
пока черви не появятся

3

Целует солнышко долинку в лобик,
само высоко на горе сидит.
Расставив ноги,
ерошит ёжика лесок.
Сверкать пускает ручеёк.
И родничок живит, накинув тучку.
И насылает ветерок
на маленький домок:
вот-вот разбудит домочадцев кучку.

В затылочек целует солнышко долинку.
Само ж ушло, легло на спинку.
В горах горят ещё ложбинки,
а в домике потьмы.
И каждый – будто половинка.

Ложатся спать, боясь вины.
Прощенья просят у войны.
И на ночь в дом берут скотинку.

Голая фауна обополая
в римских банях Висбадена.
Не столько девушки-лососи,
сколь... Мобидик-Нарвал.
Где Достоевский раньше отмокал,
теперь Бельшан пирует отрезвлённым оком.
Махровый плащ через плечо,
чтоб линию бедра и зада
изящно подчеркнуть – шагал.
Не для того такой он Тадж-Махал,
чтобы его писал Шагал:
я видел взор плескавшей старухи,
петлёю лассо брошенный в него.
А он, весь лысый и прищуренный,
на жабры бывшего лосося
презрительно пускал щурят.
Ах, как мы грелись на камнях!
Волчицы и ягнята, львы и кабаны,
подросток и игрок,
Ивсен-Лоран и Карма-Зин.
Завесившись махровой шторкой,
кипели в минеральных водах...
Ни капли в них американской хлорки.

Вот, шаркаю всё... голубиный нутряной комок,
весь облепленный седыми перьями. А небо
всё в голых ветках голубит ветерок
из Венгрии. Да, бывал я везде, да везде небыл.

Вся поклажа моя – на плечах чугунок. Всё суше
гравий шаркает в стельках Лилей дарёных туфель.
Так и голос её телефонный шаркает в уши,
все эти «шь» да «жь»...

1

Извиваясь, вниз ползёт дорога.
А внизу ущельем тянется вода.
Мой же спутник тянется за рогом.

Подмышку его сунул, сморщился,
и глянул на меня: пить будешь?
Жизнь, ва-аще-т, полага...
Я поспешил ему ответить: да.

Когда бы точно знать, что будет дом,
и ставни голубые,
и утром подадут не каплю – кринку молока,
и мальвы расписные,
и небо будет прежним небом,
и так же пронесутся облака...

Я б много заплатил за эти «и».
А жизнь – она ведь не моя затея:
кобылу править в море ржи.

Мой спутник протянул мне рог,
на солнце глянул и сказал: держи.

ГНЕВНАЯ ОТПОВЕДЬ

Чё сверкаш опалами, крашенная!
Чё пополам с матом ругаш меня!
Как хочу – так и дрочу.
В смысле, мои дети – вот и кормлю.
Да и внуки тож мои.
Чё хихикаш! Я ж тебе по-хор-рошему:
ты в каком году венчалась?
Да? А я раньше.
Понадевала колец,е
обтянулась в чёрные свитеры,
волоса зализала назад – выдра!
Я б те сказал не такое, с горя...
Если б не всемирный дядя Боря.

3

Я жрал китайской ласточки гнездо
её слюны застывший студень

Я в кольца жареные змей
впивая зуб, хребты сосал

Я черепах, без панциря лягух
бросал за лапы в сладкий суп

Я ел козлов, коней, собак
и, наконец, себя...

Тебе ж послушно слов море
мой строгий друже – дядя Боря

Вот это верно: был закат
и в озеро вином вливалось солнце.
С той стороны светило так,
что я признал в себе японца.

Всё это верно: был закат
и солнце пунш вливало в реку.
У озера, у речки навсегда
останусь я восточно лысым,
башка в буграх, и брови высоко,
и человеком.

Содержание

МАКСИМАЛИСТЫ

II

ВОЗВРАЩЁННЫЙ ОРФЕЙ

«Земное время описало очередной свой круг...» 6

ЧЁТ И НЕЧЕТ

«Татары тару волокли...» 8

«меченосец...» 9

ПРОСТОЕ ЧИСЛО 10

НЕЧЁТНЫЕ СТРОФЫ

«Ты, дорогая, в губах...» 11

«Светает...» 12

ЧЁТНЫЕ СТРОФЫ

«Я понимаю твой скорбящий рот...» 13

«Вчера могильщик страшнокожий...» 14

«Его следят лесные тени...» 15

ПАРЫ РАЗНЫХ (нарушенные симметрии)

«Украшив голову лавровым нимбом...» 16

«На счастье вынул Вольфганг Гёте...» 17

«Небрежный страж уснул, клонясь...» 18

ОТРИЦАНИЕ ЧИСЛА 19

ТЕРЦИИ И КВИНТЫ

«Олень разумный взглядом трогал...» 20

«Взгляни и ты, олень, разумными глазами...» 21

ПАЛИНОДИЯ ДЛЯ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЫ

«Эй, эй! Дуня дутых ног...» 22

«Дуня, не трогай угрозы рог...» 22

«Слышишь, милый, ходит кто-то...» 23

ЗЛЫЕ ПЕСНИ	
ОНО И ОНО	26
ПОРА	27
ЗОЛОТО РЕЙНА (эпиталама)	28
ВОЛЯ ВОЛХОВА (песня Садко)	29
ОПАСНЫЕ ТОЖДЕСТВА	
ЧЁТ ИЛИ НЕЧЕТ?	32
СОВЕРШЕННОЕ ЧИСЛО	34

ИЗ СТАРЫХ АЛЬБОМОВ

ОБНОВЛЁННЫЙ СОНЕТ	36
НОВОИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДРУЗЕЙ И ПОДРУГ	
«Лист липы, ангела перо – или его праща...»	37
«Мой друг, пусть кто-нибудь оттуда...»	38
«Слетятся к моим зеницам...»	39
«Как странно, я тебя веду...»	40
«Я леплю тебе увечья...»	41
«Очертив улыбкой круг...»	42
«Я помню всё, что было с нами...»	43
«О, мой четвероногий друг, мой стол!...»	44
СНОВА ПРО ВЕЛИКИЙ ПОЖАР с. МОСКВА	45
ПОДНОВЛЁННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ	47
НОВАЯ БАСНЯ	48
СТАРЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ	
«Мне странный подан знак: знакомое лицо...»	49
«Глаз – пучок ресниц... глазальных...»	50
«В красно-бежевых узорах...»	51
«Жест – позы рук ... морозных...»	52

ИЗ АЛЬБОМА ЕЛЕНА

«Днём и всю ночь падали листья в саду...»	53
«Нам отдана под встречи...»	54
«Ещё слеза не пролетала...»	55
«В свете важных изменений предназначенных невест...»	56
«Упорно гнал он стадо мыслей...»	57
«Ты сено тонких размышлений...»	58
«Ты плачешь? Да, уж с мест снялись...»	59
«Тебе все важные лица узоры...»	60
«Ты говоришь: был неизменно нежен...»	61
«Снова поздним закатом сколоты...»	62

БАБУШКИНЫ РИФМЫ

«Уже вино в надколотом бокале...»	63
«Когда птенец, ну, например, утёнок...»	64
«О, Азия, оазис твоего лица...»	65

НОВАЯ СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ	66
«Тихо лодка вверх дном плывёт по Оке...»	67

Владимир Дурново

ГАРСОН В ГАРСОНЬЕРКЕ

«Проснулись после вчерашней сауны...»	70
---------------------------------------	----

ЧЕТВЁРТЫЙ БЕЦИРК

«Молчанья столько, что сойти с ума...»	72
«Кончатся в доме арбузы...»	73
«Читаю издалика...»	74
«Спина, казалось бы, чужое нечто...»	75
«Зобной ухан когтистым клювом...»	76
«Полобили мы, люди, работу...»	77

БЫЛИ	
«Мельник работнику выдал дочь...»	78
«Димон на ночьку Тину заказал...»	79
«Там круглый год температура 25...»	80
«Маша и Саша сделали дуду...»	81
«На чёрном фоне маслом роза...»	82
ЗАПИСКА	83
В БОРДЕЛЕ	
«Саша, прикосновение ваше, а точнее – туше...»	84
«Ваши клавиши, синьор, – мыши...»	85
«Арфистка и скрипач играют тихо...»	86
ГОРЫ	
«Жизнь – самобранка...»	88
«Восходит солнце – морщит камень...»	89
«Случилось, что он нянчил, канюча...»	90
«В голове сверчки и водопады...»	91
«Стихи, как груши мягчают...»	92
«Уже как будто засыпал...»	93
«Доверь бумаге жалобы и худо...»	94
«Всё ждёшь и ждёшь...»	95
«Кошка пробежала...»	96
ПОХВАЛА ГОРЯЧЕМУ ВИНУ	97
ЗАТМЕНИЕ	98
ФЁН	
«Это фён, он сладок...»	99
«По городу собачники с сиреной на машинах...»	100
«Погоды труп прозрачный холодеет...»	101
«Кулаки в муфте – козий мех...»	102
«Лицо зарёвано дождём...»	103
«Нет, не могу успокоиться!...»	104
«Поражённый жизнью отползал...»	106

«Мягко мнёт мне извилины эта тема...» 106

ЖЕНЕ

«Я баб никогда не любил...» 107

«Зачем ты, жена, жрёшь себя...» 108

СЕМЬ ГАРСОНЬЕР ДЛЯ ГОЛОСА С ГИТАРОЙ

«Я вижу...» 109

«Мне бы просить у Отца продления визы...» 110

«Играю очень тихо гамму...» 111

«Лучше б я печи клал...» 113

«Поговорим о переменах...» 114

«Не клади, брат, сердце там, где печень...» 115

«По крайней мере, жизни круг...» 116

ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ

«Твоя жизнь – сплошная поэзия...» 118

У НАС НА ВОСТОКЕ

«Россия. Полнолуние. Мятель...» 119

«Я уведу тебя далёко за водой...» 120

«Лягу к маме. Рядом папа...» 121

«Полная ночных муз Ока...» 122

ПЕСНЯ 123

«Бог любит троицу...» 124

СНЫ К ЗАКАТУ ЛИЦОМ

«В мозгу отёчною шевелятся прозы...» 125

«Я – ягуар поневоле зажиревший...» 126

«На дне бетонного колодца...» 127

БЫЛИ	
«Сакральным сердцем Сакре-Кёр...»	128
«Бородой свисает туча...»	129
ПРАГА	
«Под столетнюю сиренью у моста...»	130
«Прага – карга в платке...»	131
«Кипят, кипят ночные пузыри!..»	132
ВО ВТОРОМ БЕЦИРКЕ	
«Ух, какие у него омлеты!..»	133
«Блестящая машина!..»	134
«Нагреем комнату, докажем...»	135
«Почему-то около 23...»	136
«Мокрица, гусеница? Не понять...»	137
«Старость, жди стихов от стариков...»	138
«В нашей пиццерии на углу – специалист...»	139
«Парада тон ос...»	140
«Назови сойку деревом...»	141
«К слову сказать, что крильчань...»	142
ВОЙНА	
СМРТ	143
«Заложило ухо серой...»	144
«Целует солнышко долинку в лобик...»	145
«Голая фауна обоеполая...»	146
«Вот, шаркаю всё... голубиный нутряной комок...»	147
БФ	
«Извиваясь, вниз ползёт дорога...»	148
ГНЕВНАЯ ОТПОВЕДЬ	149
«Я жрал китайской ласточки гнездо...»	150
«Вот это верно: был закат...»	151

МАКСИМАЛИСТЫ

(стихотворения, поэмы, багатели)

Борис Фальков

Владимир Дурново

Москва, РА, 1997

ТАРАНТЕЛЛА

(роман)

Борис Фальков

Москва, ВАГРИУС, 2000

ДЕСАНТ НА КРИТ

(избранная проза, театр)

Борис Фальков

Москва, ГЛАС

Книги можно купить в магазинах русской книги в Германии, Австрии, Москвы, или обратиться в ГРАН-Центр по телефонам: в Москве (095) 455-4684, в Вене (0043-1) 218-6562: по электронной почте: gran@chello.at

**Борис Фальков
Владимир Дурново**

**МАКСИМАЛИСТЫ
II**

Макет и оформление
Анатолий Ольшанский

Ответственный секретарь
Руслан Истомина

Подписано в печать 03.12.00 г.
Формат 70x100/32. Усл. печ. л. 9,5.
Тираж 1000 экз.

Литературно-издательское агентство «Руслан Элинин»
Москва, Страстной бульвар, д.6

Отпечатано в типографии ФГУП «НИИ «Геодезия»

